

ОБРАЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО ВЪ ХРИСТІАНСТВО ¹⁾).

III.

Константинъ (288—337), можно сказать, выросъ въ кругу христіанства. Его отецъ, Констанцій Хлоръ, принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ людей того времени, которые, стоя по своему умственному развитію выше крайностей грубаго паганизма, удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей искали въ своеобразномъ монотенстическомъ міросозерцаніи, выработанномъ подѣ вліяніемъ восточныхъ религій и неоплатонизма и легко уживавшихся какъ съ національной религіей, такъ и съ христіанствомъ. При дворѣ Констанція было не мало христіанъ; они не только пользовались полной религіозной свободой, но, если вѣрить Евсевію, имѣли здѣсь своихъ „служителей“ т.-е. пресвитеровъ и открыто совершали богослуженіе ²⁾. Его дочь отъ втораго брака носила христіанское имя Анастасіи ³⁾, и есть основанія предполагать, что и мать ея, вторая жена Констанція Теодора, была христіанкой ⁴⁾. Взятый еще въ отроческихъ лѣтахъ въ ка-

¹⁾ Окончаніе. См. декабрьскую кн. Богословскаго Вѣстника.

²⁾ V. С., I, 13. 17.

³⁾ Schultze. Real-Encycl., 3 Aufl., art: Konstantin, X, 758.

⁴⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившася до нашего времени монета, на лицевой сторонѣ которой помѣщенъ бюстъ женщины съ надписью: *fl. max. Theodora Aug.*, а на оборотной находится изображеніе благочестія въ видѣ женщины, держащей на рукахъ младенца, рядомъ на полѣ четырехконечный крестъ; надпись: *pietas romana* (См. Madden, *Christian Emblems etc.*, описаніе монеты, стр. 70: снимокъ, pl. 2, № 12). Монета отлита была въ 338 г. послѣ смерти Теодоры и сама по себѣ не свидѣтельствуетъ о томъ, что около 306 года она была уже христіанкой.

чествѣ заложника ко двору Діоклитіана, Константинъ и здѣсь дышалъ той же насыщенной христіанствомъ атмосферой, къ какой онъ привыкъ у себя дома. Приступая къ разсказу о царствованіи этого императора, Евсевій не находитъ словъ, чтобы въ должной мѣрѣ изобразить то благоденствіе, какимъ наслаждались христіане въ первые 20-ть лѣтъ его правленія. „О, сколь великимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ пользовались правители каждой церкви у всѣхъ префектовъ и консуловъ! Кто опишетъ эти многочисленныя обращенія ко Христу, эти многолюдныя собранія въ каждомъ городѣ и стеченія въ молитвенныхъ домахъ?... А что сказать о царскихъ придворныхъ, что о начальствовавшихъ надъ всѣми правителяхъ? Домашнимъ, женамъ, дѣтямъ (?) и слугамъ они попускали открыто и свободно слѣдовать слову и христіанской жизни, едва не дозволяли имъ хвалиться дерзновеніемъ въ вѣрѣ и считали ихъ болѣе достойными любви, чѣмъ остальныхъ сослужителей“ ¹⁾. И дѣйствительно въ своей собственной семьѣ Діоклитіанъ терпѣлъ двухъ христіанокъ — жену Валерію и дочь Приску ²⁾, а въ числѣ его придворныхъ было много высокопоставленныхъ христіанъ, имена которыхъ сохранились отчасти у Евсевія, отчасти въ мученическихъ актахъ. Находясь при дворѣ Діоклитіана, Константинъ лично наблюдалъ это торжество христіанства на Востокѣ; онъ могъ видѣть и эти „многочисленныя обращенія ко Христу“ и эти „многолюдныя собранія въ каждомъ городѣ“, о которыхъ говоритъ Евсевій, когда, сопровождая императора, онъ вмѣстѣ съ нимъ объѣзжалъ Палестину и мало-азійскіе города ³⁾. Но онъ долженъ былъ здѣсь же пережить и ту радикальную перемѣну, которая на-

---

но дѣлаетъ это весьма вѣроятнымъ при сопоставленіи съ извѣстіемъ Евсевія, что Констанцій „весь свой домъ вмѣстѣ съ дѣтьми и женой... посвящалъ одному Богу“ (V. C., I, 17).

¹⁾ Euseb. Hist. eccl. VIII, 1.

²⁾ Lactantius, De. mort. persec., с. 15.

³⁾ Euseb., V. C. I, 19. Евсевій, видѣвшій его тогда лично, такъ описываетъ его вѣншій видъ: „стоя съ правой стороны царя, людямъ, желавшимъ видѣть его, онъ казался величественнымъ... По красотѣ тѣла и высотѣ роста не было подобнаго ему, а тѣлесной силой онъ настолько превосходилъ сверстниковъ, что они боялись его“. Это свидѣтельство Евсевія подтверждается статуями Константина, сохранившимися до нашего времени (см. рисунки у Duruy, Histoire des Romains, t. VII).

стала въ отношеніи „начальствовавшихъ надъ всѣми правителей“ къ христіанамъ въ концѣ царствованія Діоклитіана. Какъ извѣстно, первый ударъ гоненія на христіанъ,—гоненія ужаснѣйшаго и кровопролитнѣйшаго, о какомъ только знаетъ исторія церкви,—объявленнаго эдиктами 303—305 гг., палъ на дворъ Діоклитіана; Валерія и Приска должны были принести жертву богамъ ¹⁾, рядъ выдающихся придворныхъ христіанъ, вчера только пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ и всеобщимъ уваженіемъ, сегодня подвергнутъ былъ самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ, производившимся въ присутствіи самого государя ²⁾. Глубокое впечатлѣніе произвели на Константина эти сцены грубаго издѣвательства надъ человѣческой личностью и навсегда поселили въ душѣ его отвращеніе къ насильственнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ религіи. „Я чуждался бывшихъ предъ этимъ самодержцевъ,—вспоминалъ впослѣдствіи Константинъ,—потому что видѣлъ дикость ихъ права“ ³⁾, и когда, по смерти своего отца, сдѣлался правителемъ Галліи, Испаніи и Британіи, получивши званіе Августа, по словамъ Лактанція первымъ дѣломъ своимъ почелъ дозволить христіанамъ свободное отправленіе своей религіи ⁴⁾.

Казалось бы, это близкое знакомство Константина съ христіанами, эти непосредственныя впечатлѣнія, полученныя имъ въ домѣ отца и при дворѣ Діоклитіана, сами по себѣ должны были бы расположить его въ пользу христіанства, что Константинъ придетъ къ христіанской религіи путемъ внутренняго развитія, безъ всякихъ стороннихъ побужденій и внѣшней помощи. На дѣлѣ, однако, случилось иное. О религіозныхъ воззрѣніяхъ Константина, до обращенія его въ христіанство, мы обучены хорошо, но чтобы понять ихъ характеръ и ближе войти въ тѣ историческія условія, при которыхъ состоялся переходъ его въ христіанство, намъ нужно сдѣлать небольшую экскурсію въ область религіозныхъ вѣрованій и чувствованій, наполнявшихъ лучшихъ людей того времени,—тѣмъ болѣе, что эта экскурсія, не ли-

¹⁾ Lactantius, *ibid.*

²⁾ Euseb., *Hiss. eccl.* VIII, 6.

³⁾ Euseb. V. C. II, 49.

⁴⁾ Lactantius, *De mort. persec.*, c. 24.

шенная интереса и сама по себѣ, поможетъ намъ объяснить нѣкоторыя важныя стороны въ занимающемъ насъ главномъ вопросѣ.—Послѣдняя эпоха греко-римской цивилизаціи, обнимающая собой первые три вѣка христіанской эры, какъ извѣстно, характеризуется упадкомъ и разложеніемъ всѣхъ основъ и устоевъ, какими питалась политическая и общественная жизнь классическаго міра. Римъ осуществилъ свою историческую миссію и соединилъ подъ своей властью всѣ культурные народы древности, но этотъ внѣшній успѣхъ для отдѣльныхъ народовъ купленъ былъ дорогой цѣной потери національности и политической самостоятельности и не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Съ перваго же вѣка имперіи со всѣхъ сторонъ надвинулись на нее варвары и все дальше и дальше заходили въ глубь ея; содержаніе двора, арміи и администраціи требовало громадныхъ расходовъ и тяжело отражалось на благосостояніи гражданъ. Древнія республиканскія учрежденія были подавлены произволомъ императорскаго трона, а на этотъ тронъ восходили или Нероны и Калигулы, представлявшіе собой каррикатуры на челоуѣчество, или деспоты, лившіе потоки челоуѣческой крови. Жизнь мало-по-малу теряла всякое идеальное содержаніе; чувствовалось, что лучшія времена отошли въ область старины глубокой, что періодъ гражданской доблести прожить и что отъ настоящаго ждать нечего. Не видя ничего отраднаго въ наличномъ положеніи вещей, не питая никакихъ надеждъ и на будущее, челоуѣкъ въ такія эпохи обыкновенно сосредоточивается на самомъ себѣ; въ такія минуты съ особенной назойливостью встаетъ предъ нимъ вѣчный вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни, и отвѣта на него онъ ищетъ не здѣсь, на землѣ, не въ обычной своей обстановкѣ, которая не представляетъ для него ничего цѣннаго, а выше земли—въ области религіи. Религіозное одушевленіе охватываетъ все языческое общество 2-го и 3-го вѣка, нарождаются идеи, о которыхъ совѣтъ не знала классическая древность, образуется особое міросозерцаніе, ни на что прежнее не похожее. Характерныя черты этого новаго религіознаго возбужденія въ язычествѣ вкратцѣ можно выразить такъ: а) болѣе или менѣе ясное предпочтеніе духа передъ тѣломъ, соединенное съ смутными мыслями, что духъ исшелъ изъ другого высшаго міра и носить въ себѣ частицы вѣчной

жизни и, какъ прямое слѣдствіе этого, уничтоженіе міра, сознаніе, что онъ возникъ по ошибкѣ, есть темница для духа или мѣсто для его испытанія; б) убѣжденіе, что связь духа съ плотью, этой „запятнанной одеждой“ порочить духъ и вытекающее отсюда исканіе спасенія, какъ освобожденія отъ міра и плоти и обезпеченія блаженной жизни за гробомъ; в) болѣе или менѣе общераспространенная вѣра, что это спасеніе уже существуетъ, что оно состоитъ въ познаніи истиннаго пути къ Богу, соединеннаго съ особыми посвященіями или таинствами, которыя даютъ духу силы превозмочь надъ плотью, посредствомъ мистическаго восторга освобождаютъ его изъ узъ плоти и грѣха и дѣлаютъ его причастнымъ Божества ¹⁾).

Какъ бы въ прямой отвѣтъ на эти новыя стремленія, возникшія въ языческомъ обществѣ 2-го и 3-го вѣка явилось наблюдавшее въ эту эпоху необыкновенное распространеніе восточныхъ культовъ на почвѣ Греціи и Рима. Неизвѣстные дотолѣ, восточные культы теперь широкимъ потокомъ разливаются по римской имперіи и своимъ острымъ, восточнымъ обаяніемъ производятъ чарующее впечатлѣніе на опустошенную душу грека и римлянина. Оффициальная религія ничего не требовала отъ своихъ поклонниковъ, кромѣ жертвъ, предоставляя каждому думать о богахъ, что угодно; она преслѣдовала исключительно государственную пользу и ей не было никакого дѣла до религіознаго состоянія ея почитателей ²⁾). Новыя восточныя божества выступаютъ со-

¹⁾ См. краткій и превосходный очеркъ такъ наз. „оріентализма“ у Гарнака въ его цитованномъ уже изслѣдованіи „Die Mission und Ausbreitung d. Christ.“, ss. 16—24 Вопросъ объ этихъ новыхъ религіозныхъ настроеніяхъ въ области язычества (котораго мы касаемся лишь кратко) хорошо обслѣдованъ въ западной литературѣ (Hausrath, Friedländer, Allard и др.). Въ русскомъ переводѣ имѣются два лучшихъ по этому вопросу труда: Буассе, Римская религія отъ Августа до Автоновъ. Москва, 1878, и Ревилля, Религія въ Римѣ при Северахъ. Москва, 1898 (къ сожалѣнію, испорченное цензурой).

²⁾ Еще императоръ Тиверій по одному случаю сказалъ: *deorum injuriae diis curae*, т. е. пусть боги сами заботятся объ обидахъ, наносимыхъ имъ убѣжденіями или словами частныхъ, и этотъ принципъ твердо охранялся римскимъ государствомъ во все время, пока существовала національная религія. Отъ своихъ подданныхъ Римъ требовалъ не *вѣры* въ національныхъ боговъ, а жертвы имъ, участія въ установленныхъ государ-

всѣмъ съ иными притязаніями; они не имѣютъ никакой связи ни съ государствомъ, ни съ національностью; ихъ единственная цѣль—религіозная личность человѣка, ея сомнѣнія, колебанія, паденія и помощь имъ; ихъ жрецы не обладаютъ никакими официальными полномочіями, они часто бѣдны, носятъ плохія одежды и едва добываютъ себѣ средства для пропитанія, но за то они владѣютъ тайной, открывающей людямъ путь къ познанію религіозной истины,—той тайной, о которой вздыхало тогдашнее язычество,—и эту тайну сообщаютъ не всѣмъ, но только достойнымъ. Не жертвы, ни пустого формальнаго обряда требуютъ они, но внутренняго усовершенствованія, моральныхъ подвиговъ, готовности къ самопожертвованію и испытаніямъ, т.-е. въ нѣкоторомъ смыслѣ аскетизма. Необходимыми атрибутами всѣхъ этихъ культовъ являются таинственные посвященія, непонятныя, идущія изъ глубокой древности формулы, заговоры и заклинанія, очищенія, достигаемыя посредствомъ крещенія водой или обливанія кровью быка или барана, особыя священныя одежды или знаки, раздѣленіе на посвященныхъ, обладающихъ всей полнотой таинственнаго знанія, и приготавливаемыхъ или оглашаемыхъ. Всматриваясь въ внѣшнюю сторону этихъ культовъ, историкъ часто поражается обиліемъ въ нихъ самыхъ грубыхъ суевѣрій, внѣшнею бессмысленностью формулъ, искусственнымъ награжденіемъ разнаго рода приемовъ, рассчитанныхъ на то, чтобы воздѣйствовать на фантазію человѣка и завладѣть его душой, но болѣе внимательное изученіе приводитъ его къ убѣжденію, что подъ этой грубой скорлупой скрываются глубокія идеи, что ядро, заключенное въ эту неприглядную оболочку, содержитъ въ себѣ здоровую пищу. Всѣ эти таинственные обряды, тавроболіи и криоболіи, поражающія воображеніе, полныя мистическаго символизма испытанія и пр. направлены къ тому, чтобы оживить въ погрязшей въ суетѣ душѣ человѣка высшія стремленія, создать для нея

ствомъ церемоній, такъ какъ это обезпечивало благоволеніе боговъ къ государству и прочность государственнаго порядка. Христіанскіе апологеты могли что угодно писать о богахъ, и они дѣйствительно издѣвались надъ ними,—за это никто ихъ не преслѣдовалъ. Но разъ христіанинъ былъ привлеченъ къ жертвеннику, ему оставалось одно—жертвовать или умирать.

возможность пережить минуты религиознаго восторга и въ немъ, этомъ восторгѣ, почувствовать высшую силу, дающую душѣ опору и успокоеніе въ этой и будущей жизни. Въ торжественные праздники въ честь Сирійской богини Цибеллы, Великой Матери, жрецы—галлы приходили въ иступленное состояніе, били себя плетями, пили свою кровь, оскотплялись на глазахъ всѣхъ, получали видѣнія, пророчествовали. Экстазъ заражалъ многихъ присутствовавшихъ и они повторяли тоже. Въ наше время такое зрѣлище вызвало бы общее негодованіе и, безъ сомнѣнія, было бы остановлено полиціей, но на самомъ дѣлѣ подъ своей внѣшней грубой формой оно скрывало глубокий религиозный смыслъ. Экстатическое состояніе приводило человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ высшей силой и становилось для него источникомъ новыхъ душевныхъ эмоцій, а самоистязаніе до крови, оскотленіе воспитывало мысль въ убѣжденіи, что однихъ внѣшнихъ жертвъ недостаточно для бога, что нужно извѣстная доля самопожертвованія и самоотрѣшенія со стороны человѣка. Въ культѣ Изиды посвящаемые, очищенные отъ грѣховъ посредствомъ омовеній и подвиговъ воздержанія, допускались къ таинствамъ, главная цѣль которыхъ состояла въ обезпеченіи человѣку будущей жизни и блаженнаго состоянія. Въ культѣ Митры мы находимъ элементы, настолько близкіе къ христіанству, что сами христіане ничѣмъ инымъ не могли объяснить ихъ, какъ кознями діавола, желавшаго путемъ подражанія святому ученію и обрядамъ отвлечь язычниковъ отъ истиннаго пути. Здѣсь мы встрѣчаемъ воззрѣніе на міръ, какъ огромную арену борьбы между добромъ и зломъ, центромъ которой является душа человѣческая, на жизнь человѣка, какъ поприще испытанія, сознаніе грѣха, вѣру въ Искупителя въ лицѣ Митры, посредника между Богомъ и человѣкомъ, творца міра и человѣческаго рода, охранителя всего добраго, неисчерпаемаго источника помощи для всякаго взывающаго къ нему, ученіе о воскресеніи мертвыхъ, всеобщемъ судѣ, погибели нечестивыхъ и царствѣ святыхъ. Столь же возвышенныя черты мы наблюдаемъ и въ морали послѣдователей Митры. Совершенная чистота была конечной цѣлю, къ которой они стремились, аскетическіе подвиги, воздержаніе отъ извѣстныхъ родовъ пищи были обычнымъ явленіемъ у нихъ. Самъ Тертуллианъ свидѣтельствуетъ, что въ

ихъ рядахъ не мало было дѣвственницъ и монаховъ (continentes). Таковъ былъ кругъ религіозныхъ идей, мыслей и чувствованій, какими жило и питалось язычество 2-го и 3-го вѣка въ видѣ лучшихъ его представителей ¹⁾.

Развитіе религіознаго сознанія язычества на всемъ этомъ еще не остановилось: Необозримое множество боговъ, расплодившихся на греко-римскомъ небѣ во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, тяжелымъ ярмомъ ложилось на мысли и душу всѣхъ болѣе или менѣе образованныхъ людей того времени и стояло въ непримиримомъ противорѣчій съ вновь развившимися религіозными стремленіями э). Каждый изъ боговъ выражалъ претензію на единоличное господство надъ міромъ, каждый старался отнять поклонниковъ у своего соперника, но не одинъ не обладалъ такимъ авторитетомъ и достоинствами, чтобы объединить около себя все человѣчество, взятые же всѣ вмѣстѣ, они взаимно ограничивали другъ друга и лишали себя права на абсолютное господство. Возникла потребность найти какой-либо общій принципъ, способный объединить въ себѣ все это разнообразіе

¹⁾ О культѣ Митры см. превосходное изслѣдованіе Cumont'a, *Die Mystrien des Mithra* (у насъ имѣется въ нѣмецкомъ переводѣ Genrich'a), Leipzig, 1903 г.

²⁾ Насколько соблазнительна казалась народная религія и богослуженіе людямъ философски развитымъ, это видно изъ письма неоплатоника Порфирія къ египетскому жрецу Анебону: уже существо боговъ трудно опредѣлить: „чѣмъ,—спрашиваетъ Порфирій,—различаются между собою различные классы боговъ? дѣятельностью и положеніемъ или своими тѣлами? что обозначаетъ призваніе земныхъ и подземныхъ, водяныхъ и воздушныхъ боговъ? Не всѣ ли боги живутъ на небѣ? раздѣлены ли они пространственно и тѣлесно и какъ въ такомъ случаѣ они могутъ сохранять единство между собой? Подвержены ли боги страданіямъ и страстямъ,—какъ предполагается молитвами и обрядами.—и въ чемъ состоитъ тогда различіе ихъ отъ демоновъ? если же они безтѣлесны, а эти нѣтъ, то какъ могутъ быть названы небесныя тѣла боговъ? Почему нѣкоторые боги считаются благодѣтельными, а другіе губительными? Какъ соединяются видимые боги съ невидимыми? чѣмъ отличаются отъ тѣхъ и другихъ демоны, души и герои демоновъ? въ чемъ заключаются признаки, по которымъ можно было бы отличать явленія боговъ, ангеловъ, архангеловъ, демоновъ, душъ? Въ чемъ состоитъ сущность предсказанія, какъ мы должны изъяснять пророческій экстазъ и т. д.? (Слѣдуетъ большое число подобнаго рода вопросовъ). Zeller. *Die Philosophie der Griechen*. Dritter Theil, Zweite Abtheilung. 4 Aufl. Leipzig, 1903, s. 723. 724.

божествъ, создать такое высшее единство, которое, неизмѣримо возвышаясь надъ всѣми богами, каждому изъ нихъ могло бы указать свое опредѣленное мѣсто въ порядкѣ міроуправленія, нарождалось стремленіе къ монотеизму. За эту задачу прежде всего берется философія. Въ системах неоплатонизма, расцвѣтшихъ съ 3-го вѣка, дѣлается грандіозная, единственная во всей исторіи, попытка примирить самый отвлеченнѣйшій монотеизмъ съ грубою конкретностью языческихъ вѣрованій и этимъ путемъ возвысить ихъ въ сужденіяхъ общества, подложивъ подъ нихъ философскій смыслъ. Никогда еще мысль человѣческая не поднималась въ своихъ понятіяхъ объ абсолютномъ бытіи до такой теоретической тонкости, какъ это мы видимъ у Плотина, самаго выдающагося неоплатоника, главы неоплатонической школы. Онъ не находитъ въ человѣческомъ языкѣ словъ, чтобы въ достаточной мѣрѣ выразить наполняющую его сознаніе идею абсолютнаго (*τὸ πρῶτον*). Оно выше всякихъ опредѣленій, выше мысли, выше бытія, выше дѣятельности, выше добра и всякой качественности; его можно было бы описывать посредствомъ отрицательныхъ опредѣленій, исключаящихъ всякое ограниченіе, но оно не пустота бытія, а полнота его, совмѣщающая въ себѣ все въ неразличномъ единствѣ. Умъ философа, однако, недолго витаетъ въ этой безпредѣльности абсолютнаго бытія; рядомъ чрезвычайно сложныхъ логическихъ комбинацій, Плотинъ мало-помалу опускается въ міръ обычныхъ явленій и развиваетъ цѣлую философскую теорію о происхожденіи и значеніи боговъ. Плотинъ первый со всею подробностью примѣнилъ аллегорическое толкованіе мифовъ, существовавшее еще раньше его, объяснивъ ихъ, какъ историческое изображеніе міровыхъ процессовъ, такъ что каждое божество получило у него свое обоснованное разумно мѣсто въ міровомъ порядкѣ¹⁾. У послѣдователей Плотина, за исключеніемъ развѣ одного Порфирія, свободно относившагося къ языческой религіи, дѣло пошло дальше, и скоро возвышеннѣйшая философія древности, какую представляла собой неоплатонизмъ въ системѣ Плотина, обратилась въ религіозный синкре-

¹⁾ Zeller, *ibid.* Ss. 675—685.

тизмъ, въ мантику и теургію, оправдывающую всё, даже самыя грубыя, заблужденія язычества ¹⁾).

Черезъ чуръ отвлеченный монотеизмъ неоплатонизма, оставшіяся доступнымъ не многимъ избраннымъ, не могъ удовлетворить собой потребностей широкой публики. Обыкновенный языческій умъ желалъ себѣ болѣе конкретнаго, объединительнаго начала; ему нужно было какое-нибудь видимое представленіе о Божествѣ, какое-нибудь яркое наглядное проявленіе силы верховнаго Божества, которое настолько должно превосходить все прочее, чтобы его можно было признать богомъ по преимуществу. Уже самый ходъ религіознаго развитія язычества подсказывалъ ему, гдѣ нужно искать такое Божество. Восточные культы, наводнившіе собой греко-римскій міръ во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, были всё болѣе или менѣе астральнаго происхожденія и являлись олицетвореніями солнца. Митра былъ по-преимуществу богъ солнца: „Mithrae soli invicto comiti—Митрѣ солнцу непобѣдимому спутнику“ гласятъ тысячи надписей, разсѣяныя на монетахъ, памятникахъ, зданіяхъ, амулетахъ 3-го вѣка. Вслѣдъ за нимъ имя солнца принимаютъ поочереды всё божества Востока,—Сераписъ, Аттисъ, Ваалъ Пальмирскій, Сабасій и пр. Претензіи восточныхъ боговъ заразительно дѣйствуютъ на населеніе римскаго Капитолія и греческаго Олимпа: Зевсъ, Юпитеръ, Аполлонъ спѣшаютъ усвоить себѣ этотъ почетный титулъ, и такимъ образомъ все разнообразіе боговъ объединяется въ одномъ общемъ центрѣ—почитаніи солнца. Въ половинѣ 3-го и въ 4-мъ вѣкѣ культъ солнца становится самымъ господствующимъ культомъ язычества, предъ величіемъ котораго склоняются всё остальные божества и все языческое общество. Императоры покровительствуютъ солнцу, какъ непобѣдимому спутнику въ военныхъ походахъ. Аврелианъ, одинъ изъ умнѣйшихъ государей второй половины 3-го вѣка, серьезно думалъ соединить подъ знаменемъ солнца всё культурные народы древняго міра; въ этихъ цѣляхъ онъ построилъ ему новый, обширный храмъ на Квириналѣ и основалъ въ честь его вторую коллегію жрецовъ; здѣсь солнце изображено было въ двухъ формахъ: въ греко-римской въ видѣ Аполлона и семитиче-

¹⁾ Zeller, *ibid.*

ской Ваала. Для непосредственнаго чувства простого язычника достаточно уже было тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, какія получалъ онъ отъ солнца. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не солнце является источникомъ тепла и жизни, подателемъ всѣхъ благъ земныхъ, управителемъ времени и охранителемъ міроваго порядка? Также и представители образованнаго класса гораздо легче примиряли свое развитое міросозерцаніе съ культомъ солнца, чѣмъ съ какимъ-нибудь другимъ. Солнце—источникъ свѣта, они понимали, какъ образъ разумнаго, невидимаго свѣта, какъ бы Логоса, надъ всемъ господствующаго, повсюду проникающаго, все просвѣщающаго и направляющаго къ добру и истинѣ, и это пониманіе солнечнаго божества казалось тѣмъ прочнѣе и несомнѣннѣе, что оно поддерживалось и современной ему наукой. Уже Порфирій и Яввлихъ называли солнце и луну видимыми божествами; у Макробія, языческаго теолога 4-го вѣка, всѣ имена боговъ представляютъ собою ничто иное, какъ только обозначенія различныхъ свойствъ одного солнца и всѣ объединяются въ немъ. Въ философіи Юліана солнце есть центръ духовнаго міра (*κόσμος νοερός*), живой, разумный и благодѣтельный образъ небснаго Отца ¹⁾.

IV.

Константинъ Великій былъ сыномъ своего времени. Прекрасно сознавая, что его ожидаетъ таже военная карьера, которая выдвинула отца его на высокое мѣсто соправителя имперіи, онъ не имѣлъ ни времени, ни побужденій заниматься религиозными вопросами, и примкнулъ къ господствующему направленію, раздѣляемому всѣми лучшими его современниками. Вообще говоря, его религіей была религія Солнца, о чемъ непрерываемо свидѣтельствуетъ масса монетъ, сохранившихся отъ Константина съ надписью *Soli invicto comiti*—Солнцу непобѣдимому спутнику. Такъ напр. въ одномъ Парижскомъ музеѣ такихъ монетъ насчитывается до 138, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ изображаютъ самого государя въ видѣ солнца съ головой, окруженной лучами ²⁾.

¹⁾ Ревилль, цит. кн.: Allard, Julien l' Apostat, t. I, Paris, 1900, 12—15.

²⁾ Duguy, cit. op., 81..

Но какое божество въ частности почиталъ Константинъ подъ именемъ солнца, объ этомъ въ наукѣ существуютъ разныя мнѣнія. Всякій полководецъ, сила котораго опирается на довѣріе войска, такъ или иначе долженъ считаться съ релігіозными воззрѣніями, пользующимся наибольшимъ сочувствіемъ среди его воиновъ. Къ IV-му вѣку, главнымъ, почти исключительнымъ богомъ и покровителемъ римскихъ легіоновъ былъ богъ Митра—Солнце. Митра—это богъ по преимуществу военный: въ военномъ сословіи онъ вербовалъ главную массу своихъ приверженцевъ, ему же онъ обязанъ былъ и той необычайной быстротой, съ какой культъ его распространился по самымъ отдаленнымъ уголкамъ греко-римскаго міра. Во второмъ и 3-мъ вѣкѣ римская имперія имѣла трехъ враговъ—германцевъ, густыми толпами надвигавшимися въ сѣверозападные предѣлы ея, готовъ въ областяхъ Дуная и персовъ на крайнемъ Востокѣ. Пока во главѣ римскаго государства стоялъ одинъ императоръ, военная необходимость часто заставляла быстро перебрасывать легіоны изъ одного края имперіи въ другой. Знакомая на Востокѣ съ культомъ Митры, культомъ персидскаго происхожденія, солдаты, возвращаясь на родину, приносили его вмѣстѣ съ собой и здѣсь становились ревностными миссіонерами его. Если взглянуть на карту распространенія мистерій Митры, приложенную къ изслѣдованію Cumont'a, то не трудно убѣдиться, что на ряду съ многими другими провинціями, Галлія, югозападная Германія и Британія, откуда Константинъ набиралъ свои войска, являлись центрами, гдѣ культъ персидскаго бога пользовался широкой популярностью ¹⁾. Императоры, хорошо знавшіе релігіозныя вѣрованія своихъ легіоновъ, покровительствовали ихъ богу даже въ томъ случаѣ, если они своимъ нуменомъ избирали другихъ. Въ 307-мъ году Ціоклитіанъ, носившій имя Ювія въ честь Юпитера, Галерій-Геркулесъ т. е. Геркулесъ и Лициній построили богу Митрѣ въ Карнунтумѣ храмъ съ надписью: *Mithrae fautori imperii sui* (Митрѣ покровителю своей имперіи) ²⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, поэтому, если и Константинъ, имѣвшій въ своихъ легіонахъ

¹⁾ См. Cumont, cit. op., также Grill, Die persische Mysterienreligion und das Christentum.

²⁾ Cumont, ibid., 66. 187.

многочисленныхъ поклонниковъ Митры, благосклонно относился къ этому культу и быть можетъ, участвовалъ въ его мистеріяхъ ¹⁾. Но въ чемъ бы ни состояли его связи съ религіей Митры, несомнѣнно, что его личнымъ нуменомъ, любимымъ богомъ и покровителемъ былъ Аполлонъ, олицетворявшійся тоже въ видѣ солнца. Культъ Аполлона привлекалъ Константина многими своими сторонами. Изъ всѣхъ боговъ греко-римскаго Олимпа, онъ одинъ въ ту эпоху все возрастающаго синкретизма сохранилъ свою оригинальность, оставаясь всегда носителемъ идеальной красоты, источникомъ героизма, богомъ духа и мысли. Фамильные преданія также говорили въ пользу этого культа: Флавій Клавдій II-й, глава его дома, императоръ Аврелианъ, сынъ жрицы солнца, и вѣроятно Констанцій Хлоръ, отецъ Константина, были преимущественно почитателями этого бога ²⁾. Самъ Константинъ своей мощной, красивой и энергичной фигурой напоминалъ своего любимаго бога, зналъ объ этомъ сходствѣ и гордился имъ ³⁾. Панегиристъ 308 г., вполне понимая, чѣмъ лучше польстить государю, сказавъ о явленіи ему Аполлона, продолжаетъ: „и чему вѣрю, ты узналъ самого себя въ лицѣ того, кого всѣ царства міра воспѣвають божественными пѣснями... потому что ты, какъ и онъ, молодъ, радостенъ и повсюду разсѣваешь счастье“ ⁴⁾. Впослѣдствіи, украшая Константинополь отовсюду собранными сокровищами древняго искусства, онъ статую Аполлона, взятую изъ Геліополиса, лишь нѣсколько измѣнивъ такъ передѣлалъ, что она стала его собственнымъ портретомъ ⁵⁾. И усердное почитаніе, воз-

¹⁾ Къ сожалѣнію, спеціальныя статьи, посвященныя этому вопросу (Preger, Konstantinos Helios; Hermes, XXXVI, 1901 и Rapp, Das Labarum und der Sonnescultus), остались намъ недоступными.

²⁾ Duguy, *ibid.*

³⁾ Это также доказывается сохранившимися до насъ статуями; см. Duguy, *Histoire des Rom.*, VI, особ. стр. 7. 20.

⁴⁾ Paneg. VII, 21.—XII panegyrici latini, ed. Baehrens, Lipsiae 1874. p. 177.—Дважды называетъ Аполлона нуменомъ Константина, с. 22, p. 176.

⁵⁾ Allard. *L'art païen sous les empereurs chrétiens*. Paris, 1879, 183. Объ этой привязанности Константина къ культу Аполлона хорошо зналъ Юліанъ, въ одномъ своемъ разговорѣ заставляющій Юпитера произнести такія слова по адресу Аполлона: „сынъ мой, почему ты не поразилъ своимъ острымъ дротикомъ этого безумнаго смертнаго, осмѣливавшагося дезертировать отъ твоего почитанія“ Allard, *Julien l'Apostat*, I, 78.

даваемое Константиномъ Аполлону, не осталось для него безплоднымъ: его блестящія побѣды надъ бриттами и франками, ознаменовавшіе первые годы его самостоятельной дѣятельности, служили для него непререкаемымъ ручательствомъ непреодолимаго могущества помогающаго ему бога и воспитывали его въ преданности къ своему „непобѣдимому со-труднику“. Когда въ 308 г., Константинъ посѣщаль Отэнъ, онъ почтилъ находящійся здѣсь прекрасный храмъ Аполлона такими дарами, о какихъ не знала вся древность. По словамъ панегириста, привѣтствовавшаго его тогда торжественною рѣчью, самъ богъ явился ему въ храмъ вмѣстѣ съ побѣдой и увѣнчалъ его короной, усыпанной лаврами ¹⁾. Ничто, такимъ образомъ, не предвѣщало того, что Константинъ когда-нибудь станетъ христіаниномъ; культъ Аполлона вполне удовлетворялъ всѣмъ его потребностямъ, какъ чело-вѣка и полководца, и если бы кто-нибудь въ это время предсказалъ ему о послѣдующемъ его обращеніи въ христіанство, онъ, безъ сомнѣнія, отвернулся бы отъ такого пророка съ негодованіемъ и презрѣніемъ.

Переворотъ, совершившійся въ религиозныхъ настроеніяхъ Константина и обратившій его изъ почитателя Аполлона въ поклонника Христа, тѣсно связывается съ историческими обстоятельствами, сопровождавшими походъ его въ Римъ съ цѣлю ниспровергнуть Максенція, насильно завладѣвшаго столицей. Намъ нѣтъ надобности входить въ сложныя политическія отношенія, подавшія поводъ къ этому походу ²⁾: достаточно сказать, что этотъ походъ былъ государственною необходимостью, единственнымъ выходомъ изъ того невозможнаго положенія, въ какое былъ поставленъ Константинъ.

Походъ на Римъ!.. Сколько мыслей и чувствованій, сколько тревогъ, колебаній и суевѣрнаго страха должно было вызы-вать это предпріятіе въ душѣ Константина никогда не видавшаго Римъ, и въ умахъ принадлежавшаго ему войска! Римъ!.. въ этомъ словѣ для римскаго гражданина всегда

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Исторія этого похода Константина въ Италію и битвы подъ Римомъ прекрасно изложена у Seeck'a въ его „Geschichte der Untergangs etc.“, лично на мѣстѣ изучившаго всю топографическую обстановку (См. Anhang, zum ersten Bande, s. 492. 493). Наша дальнѣйшая рѣчь опирается на это изслѣдованіе.

заключалось какое-то мистическое обаяніе чего-то сверхъестественнаго, вышечеловѣческаго, героическаго... Еще задолго до эпохи Константина Римъ сдѣлался предметомъ почти всеобщаго божескаго почитанія, города и провинціи строили ему храмы и жертвенники, гдѣ предъ статуей богини Ромы воскуряли ѳиміамъ, приносили жертвы, совершали торжества и въ минуты политической опасности взывали о помощи. Со времени нашествія галловъ, память о которомъ совершенно исчезла у позднѣйшихъ поколѣній, Римъ оставался непоколебимой твердыней; ни одна вражеская рука не смѣла коснуться его; надъ всею вселенной онъ высился какъ неприступный властелинъ, всеми повелѣвающій и никому не подчиняющійся, былъ вмѣстилищемъ всехъ боговъ, охранялся всеми преданіями священной старины.—Прецеденты, случившіяся на глазахъ Константина, еще болѣе обостряли эту тревогу. Северъ и Галерій, восточные Августы, одинъ за другимъ выступали въ походъ на Римъ, чтобы изгнать Максенція, стояли съ громадными войсками предъ стѣнами вѣчнаго города, и оба съ позоромъ должны были удалиться. Северъ, оставленный своими солдатами, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ; Галерій, тоже покинутый своими воинами, плачемъ и рыданіями долженъ былъ умолять оставшихся вѣрными немногихъ солдатъ, чтобы цѣлымъ возвратиться въ свои области ¹⁾.—Намѣренія Константина ни въ комъ изъ окружающихъ не встрѣчало сочувствія: свита была противъ похода, полководцы не только роптали втайнѣ, но и явно высказывали свои опасенія: совѣтъ всехъ благоразумныхъ людей высказывался отрицательно ²⁾. Самое время для новыхъ

¹⁾ См. Zeeck. cit. op. I, 82 ff., 90 ff.

²⁾ „Какой богъ, какое столь покровительствующее тебѣ величество вдохнуло тебѣ такое мужество, что ты (Константинъ) вопреки желаніямъ твоей свиты и полководцевъ, не только роптавшихъ втайнѣ, но и открыто страшившихся, противъ совѣта людей, противъ предвѣщаній гаруспидій самъ по себѣ рѣшилъ, что настало время освободить городъ? Очевидно ты, Константинъ, имѣешь какое-то сокровенное общеніе съ той божественной мыслью, которая, предоставивъ заботы о насъ низшимъ богамъ, признала достойнымъ открыться тебѣ одному“.—*Rav. IX, 2*; см. *Vaegens, XII rap. lat.*, p. 193. 194. Походъ на Римъ современникамъ Константина, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ былъ предпринятъ, представлялся такимъ огромнымъ и рискованнымъ предпріятіемъ, что успѣхи его они иначе и не могли объяснить, какъ Божественнымъ внушеніемъ.

военныхъ операций было неудобно: германцы опять начали волноваться и въ скоромъ времени нужно было ожидать новаго вторженія ихъ въ страны, подвластныя Константину... Но походъ былъ необходимъ и Константинъ рѣшился начать его.

Оставивъ $\frac{3}{4}$ своихъ легіонъ для защиты границы, Константинъ съ 25,000 воиновъ весной 312 г. двинулся въ походъ. Счастье ему благопріятствовало и Аполлонъ продолжалъ покровительствовать. Города сѣверной и средней Италіи одинъ за другимъ сдавались ему, и въ октябрѣ этого года онъ стоялъ предъ стѣнами Рима... И только теперь, дойдя до конечной цѣли своего похода, онъ началъ понимать, что все его предпріятіе было однимъ безуміемъ! Въ распоряженіи Максенція находилось 170,000 пѣхоты и 18,000 конницы; запертые въ неприступной крѣпости, эти легіоны представляли собой такую великую силу, о разгромѣ которой при помощи ничтожнаго количества войскъ, имѣвшихся у Константина, и думать было нельзя. Обложить городъ продолжительной осадой и голодомъ вынудить Максенція къ сдачѣ—было также пустой затѣей. Константинъ хорошо зналъ о громаднхъ запасахъ провіанта, собранныхъ въ Римѣ. да и растянуть свое небольшое войско кругомъ крѣпости, обнимавшей почти двѣ мили, значило бы создать удобные для Максенція поводы рядомъ удачныхъ вылазокъ истребить большую часть солдатъ и совсѣмъ обезсилить его. Идти назадъ? Но это значило бы потерять довѣріе войска, вызвать преслѣдованіе и погубить все дѣло. Участъ Севера и Галерія стала ярко обрисовываться въ сознаниіи Константина и мысль на-

---

Цитируемый панегирикъ былъ произнесенъ въ Трирѣ въ 313 г., когда Константинъ, послѣ побѣды надъ Максенціемъ, долженъ былъ отправиться на подавленіе бунта германцевъ. Таже мысль выражена въ надписи на триумфальной аркѣ, воздвигнутой въ честь Константина отъ имени римскаго сената и народа послѣ побѣды надъ Максенціемъ (арка существуетъ и доселѣ, но въ реставрированномъ видѣ). Надпись на боку арки читается такъ: *imp. caes. Fl. Constantino Maximo S. P. C. R. (т. е. senatus populusque romanus) quod instinctu divinitatis mentis magnitudine cum exercitus votam de tyranno quam de omni ejus factione uno tempore iustis rempublicam ultus est armis arcum triumphis insignem dedicavit: внутри арки значилась слова: liberatori urbis, fundatori quietis. Instinctu divinitatis употребляетъ также риторъ Назарій въ панегирикѣ, произнесенномъ въ 321 (Pan. X, 7; Baehrens, Pan. lat. p. 226).*

пряженно работать надъ изобрѣтеніемъ возможнаго исхода. Но гдѣ же искать помощи? Въ ту эпоху религіознаго напряженія, когда границы между естественнымъ и сверхъестественнымъ сглаживались, когда боги сходили на землю и принимали живое участіе во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, когда даже въ менѣе трудныхъ обстоятельствахъ жизни люди искали высшаго указанія и ему только довѣрялись, отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ быть только одинъ: на человѣческія силы надѣяться нельзя, нужна небесная помощь, нужно высшее Божественное откровеніе ¹⁾.

Теперь для насъ, совершенно понятными становятся тѣ разсужденія, какія влагаетъ Евсей въ уста Константина: „Уразумѣвъ, что ему нужна помощь выше воинскихъ средствъ, Константинъ сталъ думать, какого бога призвать бы себѣ на помощь. При рѣшеніи этого вопроса ему пришло на мысль, что не малое число прежнихъ державныхъ лицъ, возложивъ свою надежду на многихъ боговъ и служа имъ жертвами и дарами, прежде всего были обманываемы ложными оракулами, обольщались благоприятными предсказаніями и оканчивали свое дѣло худо. Ни одинъ изъ боговъ не былъ къ нимъ столь милостивъ, чтобы не подвергъ ихъ посланнымъ свыше бѣдствіямъ. Только отецъ его шелъ противнымъ путемъ. Видя ихъ заблужденіе и чтя Бога всячески, онъ находилъ въ Немъ спасителя своего царства, хранителя и руководителя ко всякому благу. Константинъ различалъ это самъ про себя и основательно разсуждалъ, что полагавшіеся на многихъ боговъ подверглись и мно-

¹⁾ Въра въ знаменія и чудодѣйственныя свовидѣнія была чрезвычайно распространена въ ту эпоху. У Маркардта (Marquardt. Romische Staatsverwaltung, 2 auf. Leipzig, 1885, III, 13, s. 100; окт. 6 и 7) собранъ обширный рядъ надписей, въ которыхъ полученшіе во снѣ откровеніе благодарятъ за дарованное исцѣленіе, за благополучный исходъ дѣла и пр. Въ храмѣ Сераписа въ Александріи существовалъ особый институтъ *κατόχ'οι*; больные или нуждающіеся въ какой-нибудь другой помощи на опредѣленное время заключали себя въ помѣщенія, окружавшія храмъ, вели воздержный образъ жизни и ночи проводили въ храмѣ, гдѣ во снѣ и удостоивались божественнаго откровенія. Дошедшіе до насъ папирусы содержатъ въ себѣ много благодарностей за полученныя свыше наставленія. См. интересную брошюру Preuschen'a „Mönchtum und Serapiskult“, Darmstadt 1899. Св. Григорій Богословъ по одному поводу замѣчаетъ, что „при великихъ переломкахъ неоднократно случались знаменія (Contra Julian., or. 2)“.

гимъ бѣдствіямъ, такъ что между людьми не оставалось ни рода ихъ, ни племени, ни имени, ни памяти ¹⁾.

Въ этомъ порядкѣ мыслей не было ничего страннаго, необычнаго для того времени, когда они были высказаны. Сомнѣваться въ реальности христіанскаго Бога язычникъ не имѣлъ никакого повода; въ его сложномъ религіозномъ синкретизмѣ христіанской Богъ также хорошо могъ найти свое мѣсто, какъ и боги другихъ народовъ. Христіанъ преслѣдовалъ не за то, что они почитали своего Бога, а за то, что почитая Его, они совершенно пренебрегали отечественной религіей и не сдавались ни на какія компромиссы. Въ свою очередь и христіане не отрицали дѣйствительности языческихъ боговъ; простой христіанинъ, какъ и образованный апологетъ ²⁾, вѣрили, что Аполлонъ предсказываетъ будущее и Эскулапъ производитъ чудесныя исцѣленія; они утверждали только, что здѣсь дѣйствуютъ злые демоны, сила которыхъ склоняется предъ именемъ Христа. Споръ между язычествомъ и христіанствомъ шелъ вовсе не о томъ, существуютъ—ли боги, ими признаваемые, а о томъ, кто изъ боговъ—христіанскій или языческій, можетъ доставить больше милостей своимъ исповѣдникамъ и сильнѣе повредить ихъ врагамъ. Чтобы стать христіаниномъ для простой массы съ ея грубыми религіозными вѣрованіями достаточно бывало иногда какого-либо одного сильнаго впечатлѣнія, полученнаго подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Въ гоненіе Діоклитіана въ Александріи дѣвица Теодора была осуждена на публичное опозорѣніе; правомъ первенства на невинность удалось воспользоваться воину Дидиму, то же христіанину, и онъ войдя въ лупанарій, предложилъ Теодорѣ облечься въ свои военные доспѣхи, а самъ надѣлъ ея женскія одежды и покрылся покрываломъ. Когда Теодора, никѣмъ не задер-

¹⁾ Euseb., V. C. I, 27.

²⁾ Just., Apol. 22; Minuc. Fel., Octav., c. 27. Origen. c. Celsum III, 3: „ведъ или по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ бывають чудеса. Цельсь самъ въ своей книгѣ признаетъ, что Эскулапъ во всѣхъ городахъ, которые ему посвящены въ Триккѣ, Епидаврѣ, Козѣ (*Κῶς*) и Пергамѣ исцѣляетъ болѣзнь и открываетъ будущее“. Origenes Werke, I, p. 205; III, 25: пусть я допускаю, что демонъ съ именемъ Эскулапа имѣетъ силу исцѣлять тѣлесныя болѣзни, но все же я долженъ тѣмъ, которые изумляются предъ этими исцѣленіями или предсказаніями Аполлона, сдѣлать замѣчаніе, что эти исцѣленія сами по себѣ ни хороши, ни дурны“... *ibid.* p. 221.

живаемая, спокойно удалилась, вошелъ язычникъ, и каково же было его удивленіе, когда вмѣсто женщины онъ встрѣтилъ тамъ мужчину! Глубоко потрясенный, язычникъ воскликнулъ: „неужели Иисусъ можетъ моментально превратить дѣвицу въ мужа?“—и объятый страхомъ, выбѣжалъ въ опасеніи, какъ бы и его Иисусъ не обратилъ въ женщину ¹⁾. Еще съ половины 3-го вѣка этотъ споръ перенесенъ былъ въ политическія сферы: систематическія гоненія на христіанъ, открытыя императоромъ Деціемъ Траяномъ, въ сущности рѣшали, только кровнымъ путемъ, вопросъ о томъ, кто долженъ господствовать въ государствѣ, прежніе-ли язычскіе боги, или христіанскій Богъ, пріобрѣтавшій себѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе многочисленныхъ поклонниковъ. Въ 4-мъ вѣкѣ этотъ вопросъ сталъ предметомъ ученаго обсужденія. Достаточно заглянуть литературу этого времени, чтобы видѣть, съ какимъ горячимъ интересомъ, съ какимъ богатымъ запасомъ аргументовъ обсуждаютъ его язычскіе и христіанскіе писатели. Евнапій и Зосимъ подбираютъ массу историческихъ фактовъ, чтобы доказать, что съ тѣхъ поръ, какъ государство признало новую религію, гнѣвъ отвергнутыхъ боговъ ниспослалъ на нее цѣлый рядъ бѣдствій, и христіанскій Богъ оказался не въ силахъ помочь имъ. Орозій утверждаетъ противное; онъ говоритъ, что и при господствѣ язычскихъ боговъ кровь и слезы текли въ изобиліи, и Юпитеръ не въ состояніи былъ доставить ожидавшаго счастья ²⁾. Евсевій и Лактанцій историческими примѣрами популяризируютъ ту мысль, что всѣ гонители христіанства, какими бы суевѣріями они не пользовались,— всѣ наслѣдовали ужасный конецъ, и если бы мы знали, что Константинъ читалъ сочиненія Лактанція „О смерти гонителей“, мы могли бы говорить о зависимости его отъ этого писателя: такъ похожи у нихъ всѣ мысли! Но о такой зависимости не можетъ быть и рѣчи. Подобныя идеи носились въ воздухѣ и особенно заразительно должны были дѣйствовать на полководцевъ и ихъ войска. Константинъ самъ на своемъ еще небольшомъ опытѣ могъ провѣрить ихъ. Въ

1) Ruinart. Acta martyrum. sincera, p. II: acta Didymi et Theodoraе virginis, pp. 410—414.

2) Cp. Seeck, cit. op., s. 57.

самомъ дѣлѣ, эдиктъ противъ христіанъ опубликованъ былъ Діоклитіаномъ въ 303 г., но въ слѣдующемъ же году, послѣ празднованія 20-лѣтняго юбилея своего царствованія, онъ впасть въ жестокою болѣзнь, отразившуюся даже на его умственныхъ способностяхъ ¹⁾. Максиміанъ, сотрудникъ Діоклитіана въ гоненіяхъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Галлерія,—этого злѣйшаго ненавистника христіанъ, — постигъ еще болѣе ужасный конецъ: черви заживо разѣдали его тѣло и, находясь въ страшныхъ мученіяхъ, онъ почти наканунѣ смерти издалъ эдиктъ, прекращающій гоненія, въ тайномъ расчетѣ, не поможетъ ли ему еще христіанскій Богъ ²⁾. Между тѣмъ Галлія, гдѣ христіане пользовались миромъ и почти не испытали на себѣ никакихъ дритѣсеній, одна изъ всѣхъ областей царства отличались спокойствіемъ и благосостояніемъ, и ея правители не терпѣли никакого ущерба. Не должно ли было все это рождать у Константина мысль, что языческіе боги недостаточно обезпечиваютъ благополучіе своихъ поклонниковъ, что Богъ христіанскій обладаетъ силой, превосходящей всѣ языческія чародѣйства?

На встрѣчу этимъ впечатлѣніямъ, лично пережитымъ Константиномъ, шли другія болѣе важныя соображенія. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ оказался предъ стѣнами Рима, онъ едва-ли могъ рассчитывать на помощь отечественныхъ боговъ. Вѣдь не Римъ-ли служилъ главнѣйшимъ покровителемъ и защитникомъ ихъ? не Капитолій-ли являлся центральнымъ мѣстомъ ихъ жительства и идти противъ Рима не значить-ли идти и противъ обитающихъ тамъ боговъ? Еще передъ походомъ въ Италію, по обычаю, были совершены гаруспиціи, и дали неблагоприятное предзнаменованіе, повторены были еще разъ—и результатъ получился тотъ же ³⁾. Ясно, что воля была противъ похода. Между тѣмъ Максенцій успѣшилъ воспользоваться всѣми преиму-

¹⁾ Constantini Orat. ad sanct., с. 25.

²⁾ См. у Лактанція, de mort. persecut. сс. XVII, XXX, XXXIII.

³⁾ Paneg. IX (по болѣе исправному, по нашему мнѣнію, тексту у Migne. Patr. lat. t. VIII, p. 655): „transacto enim nutu adversi ominis et offenso recosati“... (мѣсто трудное, вызвавшее много толкованій) т. е. послѣ того какъ совершенно было гаданіе, оказавшееся неблагоприятнымъ и, при повтореніи, снова дало дурное предзнаменованіе.“

ществами своего положенія въ центрѣ языческаго культа. Какъ и Константинъ, онъ не надѣялся ни на силы своего огромнаго войска, ни на прочность занимаемой имъ твердыни, и искалъ высшей помощи. Чародѣйство и волхвованіе, какими въ обиліи обладало тогдашнее язычество, были совершены съ точностью, беременныхъ женщинъ разсѣкали и по движенію плода предсказывали успѣхъ ¹⁾; читали Сивиллины книги, и радовались предсказываемому ими успѣху. Припомнили еще одинъ случай, что Максенцій получилъ корону и прогналъ отъ стѣнъ Рима Севера и Галерія при префектѣ Анніи Анулинѣ, отыскали его потомка и къ счастью тоже Аннія Анулина и уже предъ самой битвой назначили его префектомъ ²⁾. Такъ, всѣ силы языческаго неба и ада были призваны, всѣ примѣты соблюдены, чтобы поразить врага и отпраздновать надъ нимъ побѣду.—Все это угнетающимъ образомъ должно было дѣйствовать на Константина; какъ язычникъ, онъ вполне раздѣлялъ всѣ эти суевѣрія, глубоко вѣрилъ, что чародѣйство и волхвованіе способны призвать на помощь сверхъестественныя силы и ни мало не сомнѣвался, что эта помощь стояла на сторонѣ Мексенція. Но что же онъ могъ противопоставить ей? Онъ зналъ, что демоны, помогавшіе язычникамъ, доселѣ обнаруживали свою власть лишь въ отношеніи къ своимъ почитателямъ? Почему бы не обратиться къ христіанскому Богу и не попытаться узнать, превозмогутъ-ли демоны противъ христіанъ или христіанскій Богъ побѣдитъ ихъ? Тревожное душевное состояніе, охватившее Константина, напряженная работа мысли, борьба наполнявшихъ его чувствованій, сомнѣній и надеждъ разрѣшается видѣніемъ во снѣ или наяву, въ которомъ онъ получаетъ высшее повелѣніе идти на бой во имя Христа... Всѣ затрудненія разомъ пали: Константинъ призываетъ христіанскихъ священниковъ, проситъ ихъ молитвъ къ христіанскому Богу, устрояетъ лабарумъ... И дѣйствительно случилось нѣчто невѣроятное!

Если бы Максенцій продолжалъ сидѣть за стѣнами Рима, въ чемъ и состоялъ его первоначальный планъ, то Константину никогда бы не удалось овладѣть столицей. Но и

¹⁾ Euseb., V. C. I, 36.

²⁾ Lact., De mort. parsec. c. XLIV.

здѣсь опять выступили на сцену суевѣрія; во снѣ Максенцій получилъ откровеніе, что онъ долженъ покинуть долготѣнее мѣсто своего жительства, и когда затѣмъ спросили Сивиллины книги, они двусмысленно отвѣчали, что въ престолящій черезъ два дня праздникъ вступленія его на престолъ врага Рима постигнетъ погибель ¹⁾. Такъ какъ при продолжительной осадѣ ждать такого быстрого успѣха было невозможно, то Максенцій, комбинируя оба эти пророчества вмѣстѣ, рѣшилъ отворить ворота и начать бой. Этого только и надо было Константину... Ловкимъ маневромъ обходя войска Максенція, онъ разбилъ ихъ на голову, и самъ Максенцій, спасаясь отъ преслѣдованія, потонулъ въ Тибрѣ. *Въ какіе-нибудь два часа совершилось событіе, которое на цѣлыя столѣтія впередъ измѣнило ходъ всемірной исторіи, потому что конечнымъ результатомъ битвы подъ Римомъ было не господство только Константина надъ Италіей, но торжество христіанства въ римской имперіи. 28 Окт. 312 г. ¹⁾. христіанскій Богъ побѣдилъ языческихъ боговъ ²⁾.*

Такъ произошло обращеніе Константина въ христіанство! Оно не было результатомъ развитія его собственнаго религіознаго духа и состоялось вдругъ, разомъ, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, на почвѣ суевѣрій, господствовавшихъ въ его время ³⁾. Не постепенно закрадывавшее въ

¹⁾ Дата точно указана Lactant., *ibid.*

²⁾ Это языкъ Евсевія. По его изображенію, самый выходъ Максенція изъ Рима объясняется тѣмъ, что христіанскій Богъ, „какъ бы какими-то цѣльями увлекаетъ его весьма далеко отъ городскихъ воротъ (V. С. I, 38)“

³⁾ Суевѣрный элементъ навсегда остался въ душѣ Константина въ его отношеніи къ лабаруму. Онъ преклонялся предъ лабарумомъ, какъ какимъ то фетишемъ, который самъ въ себѣ заключаетъ чудодѣйственную силу для побѣды надъ врагами его („*οἶον τι ἀλεξίφάρμακον*“,—V. С. II, 7—какое то побѣдительное волшебное средство; *ὤσπερ τι φόβητρον*—V. С. II, 16—какое то пугалище“—называетъ его самъ Евсевій; онъ же говоритъ о „божественной и неизреченной силѣ спасительной хоругви“—(тамже). Онъ окружилъ его особымъ почетомъ: избравъ 50 мужей, отличавшихся крѣпостію тѣла и силою души, онъ повелѣлъ имъ состоять единственно при служеніи этому знамени (V. С. II, 8). Въ лагеря, въ весьма далекомъ разстояніи отъ него, онъ обыкновенно ставилъ палатку „кресту (выраженіе Евсевія—читай: лабаруму)“, куда и удалялся предъ сраженіемъ на нѣсколько дней, и затѣмъ выбѣгалъ оттуда „какъ бы вдохновенный и вдругъ приказывалъ тотчасъ же двинуться войскамъ и немедленно обнажить мечи: устремившись массамя войска его рубились.

его сердце сомнѣніе въ дѣйствительности языческихъ боговъ, не убѣжденіе въ нравственномъ превосходствѣ и величіи ученія христіанскаго побудило его встать подъ знамя Христа, а внѣшняя опасность, безвыходное положеніе, въ какое онъ попалъ предъ стѣнами Рима, страхъ и отчаяніе въ виду неизбѣжнаго пораженія. Это—мотивы невысокаго качества. Христіанскій Богъ былъ нуженъ ему не для идеальныхъ потребностей собственнаго существа; а какъ грозная сила, какъ мощное орудіе для побѣды надъ своимъ врагомъ, для осуществленія своихъ политическихъ цѣлей. Взывая о помощи къ христіанскому Богу, Константинъ оставался въ душѣ язычникомъ — суевѣромъ, для котораго Божество являлось лишь удобнымъ средствомъ, чтобы достичь своей личной выгоды и обезпечить собственную безопасность. Обращеніе Константина въ христіанство слѣдуетъ понимать, поэтому, въ болѣе неопредѣленномъ и широкомъ смыслѣ: то, что совершилось предъ битвой съ Максенціемъ, было лишь первымъ толчкомъ, исходнымъ моментомъ въ дѣлѣ его религіозно-нравственнаго развитія. Оно не произвело какого-либо радикальнаго переворота въ его душѣ, не освободило его отъ всѣхъ прижитыхъ въ язычествѣ навыковъ и убѣжденій, но слѣлавъ его служителемъ Христа оно поставило его въ близкую, хотя на первыхъ порахъ и внѣшнюю связь съ христіанствомъ и этимъ открыло ему путь къ постепенному и болѣе глубокому усвоенію его.

Первоначальное отношеніе Константина къ христіанству,

отважно и, мгновеннымъ натискомъ одержавъ побѣду, воздвигали побѣдные трофеи надъ врагами (Euseb., Vit. Const. II, 12)“. Когда онъ отстроилъ себѣ новую столицу, то надъ входомъ во дворецъ онъ „изобразилъ на показъ всѣмъ, надъ главою своего собственнаго лица спасительное знаменіе (чит.: лабарумъ), а подъ ногами стремящагося въ бездну дракона, подъ видомъ котораго разумѣлъ язычество (V. С. III, 3). До нашего времени сохранились монеты съ аналогичными изображеніями (быть можетъ, есть и прямо тожественныя, такъ какъ лучшіе сборники оттисковъ съ монетъ Константина, какъ Cohen'a и Eckel'я остались намъ недоступными), на лицевой сторонѣ которыхъ отпечатанъ бюстъ Константина, а на оборотной находится изображеніе лабарума, попирающаго двѣ согнувшіяся у подножія его фигуры побѣжденных варваровъ. Это еще разъ, можно сказать, монументально доказываетъ правильность нашего наблюденія, что Евсевій вездѣ подъ именемъ „спасительнаго знамени (креста)“ разумѣлъ лабарумъ.

продолжавшееся до 323 года, не выходить за предѣлы утилитарно - практическихъ интересовъ. Помощь, неожиданно оказанная христіанскимъ Богомъ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ пораженіе Максенція, требовала соотвѣтственнаго воздаянія. Въ 313 году, въ извѣстномъ Миланскомъ эдиктѣ, изданномъ вмѣстѣ съ Лициніемъ, восточнымъ соправителемъ, онъ провозглашаетъ полную свободу христіанской религіи и приказываетъ возратить имъ отнятыя имущества или вознаградить за нихъ, „согласно съ собственнымъ убѣжденіемъ (привожу буквальные слова эдикта), чтобы Божество при всякомъ случаѣ ниспосылало намъ скорую помощь и всякое благо“ ¹⁾. Онъ приближаетъ къ себѣ епископовъ, бесѣдуетъ съ ними, беретъ ихъ съ собой въ походы, но въ мысли, что „Богъ, которому они служатъ, по крайней мѣрѣ будетъ милостивъ къ нему“ ²⁾. Онъ вмѣшивается въ донатистскіе споры, возникшіе въ Африкѣ, созываетъ соборы, предсѣдательствуетъ на нихъ и спѣшитъ скорѣе уладить дѣло, и это ему нужно для того, чтобы „неразвлекаемая распрями, епископы со всею ревностью служили Богу, такъ какъ для общественныхъ дѣлъ отъ этого произойдетъ много пользы“ ³⁾. Если бы среди языческихъ жрецовъ возникли подобныя ссоры,—чего, впрочемъ, кажется никогда не бывало,—то онъ, какъ *pontifex maximus*—титულъ, дарованный ему сенатомъ послѣ освобожденія Рима отъ узурпаціи Максенція,—съ такой же энергіей и потому же самому мотиву принялся бы за примиреніе ихъ и, вѣроятно, высказалъ бы аргументъ, подобный сейчасъ приведенному.

Безъ сомнѣнія, на христіанъ, современниковъ Константина, все эти мѣры дѣйствовали поразительнымъ образомъ: только что пережившіе самое тяжкое и кровавое гоненіе, длившееся около 8-ми годовъ, христіане съ изумленіемъ и горячею благодарностью принимали тѣ милости, которыя столь обильно посыпались на нихъ съ высоты того трона, откуда они привыкли ожидать себѣ бѣдствій и казней. Все, происходившее теперь у нихъ на глазахъ, превосходило всякое вѣроятіе! Церкви отворились и богослуженіе совершалось открыто, преж-

¹⁾ Euseb., Hist. eccl. X, 5.

²⁾ Eus., V. C. I, 42 ср. П. 4.

³⁾ Eus., Hist. eccl. X, 7.

нія несчастія, ссылки, конфискація имущества, тюрьмы, изгнанія и казни прошли, какъ страшный, но не возвратный сонъ; епископы окружаютъ престолъ, и самъ царь бесѣдуетъ съ ними, раздѣляетъ трапезу и заботится о нуждахъ церкви. Уже съ 313 года,—года изданія Миланскаго эдикта,—ни малѣйшаго сомнѣнія не могло возникнуть въ христіанскомъ обществѣ, что царь стоитъ рѣшительно на сторонѣ христіанъ, что времена мрака и заблужденія языческаго окончились и царствіе Божіе настало! Онъ—„Ангель Божій“, „другъ Царя небеснаго“ — не разъ восклицаетъ Евсевій ¹⁾. Но пока все это было лишь пріятнымъ заблужденіемъ...

Всматриваясь ближе въ права и привилегіи, предоставленныя Константиномъ христіанству за этотъ періодъ его дѣятельности, легко можно убѣдиться, что они являются ни чѣмъ инымъ, какъ только послѣдовательнымъ примѣненіемъ принципа равноправности, провозглашеннаго въ Миланскомъ эдиктѣ. Національная религія ими ни-чуть не затрогивалась: эти права и привилегіи принадлежали ей искони и оставались въ полной силѣ и теперь во всѣхъ своихъ пунктахъ. Константинъ поддерживаеъ и покровительствуетъ христіанству, какъ законной отрасли официально признанной формы богослуженія, и совершенно далекъ отъ всякихъ попытокъ предоставить ему какое-либо исключительное положеніе въ государствѣ и чѣмъ-нибудь обидѣть язычество. Напротивъ, онъ самъ видимо склоняется къ мысли создать такое міровоззрѣніе, которое, возвышаясь надъ язычествомъ и христіанствомъ, примиряло бы ихъ въ себѣ и на всегда удерживало бы ихъ въ законо-установленномъ паритетѣ, и такая мысль въ ту эпоху религіознаго синкретизма ни мало не могла казаться странной. Константинъ самъ впоследствии заявлялъ, что онъ сильно желалъ ученіе всѣхъ народовъ о Божествѣ, по существу дѣла, привести въ одинъ составъ и что эта мысль была однимъ изъ самыхъ живыхъ мотивовъ всего совершеннаго имъ ²⁾. Внѣшнее обращеніе его ко Христу не на столько глубоко подѣйствовало на него, чтобы ему ясно представлялась несовмѣстимость христіанства хотя бы то съ лучшими формами язычества, и его религіозныя воззрѣнія за разема-

¹⁾ Eus., V. С. II, 10: I, 3; IV, 46 ср. I, 9; IV, 73.

²⁾ ibid. II, 64.

триваемый періодъ носить на себѣ ясный отпечатокъ такого синкретизма. Въ своихъ узаконеніяхъ и письмахъ онъ намѣренно избираетъ самыя общія и неопредѣленныя выраженія о высочайшемъ Существовѣ, въ которыхъ христіане легко усматривали своего Бога Отца, а язычники могли понимать какъ имъ угодно. Онъ именуетъ его „великимъ Богомъ“, „святою и небесной силой“ „бытіемъ единымъ, истинно сущимъ, могущественнымъ во всякое время“ и даже „какой-то высочайшей силой“¹⁾. На монетахъ этого времени фигуры языческихъ боговъ Солнца и Меркурія, окруженныя надписью: *Soli iuncto comiti* или *Marci conservatori* (Марсу охранителю), соединяются съ христіанскими эмблемами, при чемъ послѣднія также носятъ нейтральный характеръ²⁾. Они имѣютъ самый разнообразный видъ и допускаютъ столь же разнообразное толкованіе: христіане были правы, когда усматривали въ нихъ скрытое изображеніе имени Христа и этого желалъ самъ Константинъ³⁾, но и язычники не соблазнялись ими; они понимали ихъ или какъ

¹⁾ Eus. H. E. X, 5; V. C. II, 8, 24, 28.

²⁾ См. изслѣдованіе Madden'a, *Christian emblems on the coins of Constantin etc.*

³⁾ На лабарумѣ, знакомѣ Евсевію, монограмма имѣла видъ , но эта монограмма, какъ и самый лабарумъ, видѣнный Евсевіемъ, принадлежатъ позднѣйшему времени. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одно роскошное устройство его, которое не могло быть сдѣлано въ короткій срокъ предъ битвой съ Максенціемъ, и упоминаніе о сыновьяхъ Константина, тогда какъ Константинъ во время похода на Римъ имѣлъ только одного сына Криспа, и то малолѣтняго, помѣщать особое изображеніе котораго на лабарумѣ не было смысла. Да и Кесарійскій епископъ могъ видѣть его не ранѣе, какъ послѣ побѣды Константина надъ Лициніемъ въ 323 году, когда всѣ восточныя области подчинились ему и самъ Константинъ, отстроивъ новую столицу на Босфорѣ, окончательно переселился на Востокъ, окруживъ себя восточными епископами. Съ другой стороны новѣйшія изслѣдованія монетъ, въ значительномъ количествѣ сохранившихся отъ Константина, прочно установило тотъ фактъ, что до 323 года, — года рѣшительной борьбы съ Лициніемъ, — эмблемы съ ясно выраженнымъ христіанскимъ значеніемъ, въ родѣ той, какую видѣлъ Евсевій, на нихъ не встрѣчаются. За все время, пока Константинъ управлялъ западными областями имперіи, эмблемы на монетахъ и, безъ сомнѣнія, на знаменахъ носили нейтральный характеръ. Главнымъ образомъ они имѣли видъ трехъ пересѣкающихся между собой въ одной точкѣ линій — , причемъ иногда прямая средняя линія въ своей вершинѣ оканчивалась небольшоимъ закругленіемъ или утолщеніемъ (см. Madden, *ibid.*). Запутанность

обычное украшеніе монетъ, или какъ знакъ звѣзды, часто встрѣчавшейся на монетахъ и военныхъ доспѣхахъ или, наконецъ, какъ обозначеніе качества металла ($\chi + \chi\rho\upsilon\sigma\acute{o}\varsigma$), изъ котораго сдѣлана монета. Особымъ распоряженіемъ въ 321 г. Константинъ узаконяетъ празднованіе *dies solis*—дня солнца ¹⁾, и христіане восхваляютъ его за благочестіе, выраженное въ такомъ торжественномъ почитаніи дня „истинно Господняго и спасительнаго“ ²⁾, хотя онъ только утверждалъ обычай, давно принятый въ язычествѣ. Для войска онъ изобрѣтаетъ специальную молитву, своего рода символъ вѣры, все содержаніе котораго сводится къ тремъ словамъ: Богъ, царь, побѣда, и приказываетъ произносить въ день солнца на открытыхъ площадяхъ ³⁾. Короче говоря, онъ — мыслить и дѣйствовать какъ человекъ, еще не порвавшій всѣхъ связей съ язычествомъ.

Но эти мечты о вѣчномъ паритетѣ христіанства и язычества рассыпались въ прахъ, когда въ 323 году возгорѣлась война съ Лициніемъ, правителемъ восточныхъ областей имперіи. Лициній, какъ и большая часть язычниковъ того времени, ничего не имѣлъ противъ внесенія христіанскаго Бога въ число своихъ боговъ; сила, обнаруженная христіанскимъ Богомъ въ походѣ Константина на Римъ, были достаточнымъ речательствомъ за то, что воздавать Ему почитаніе во многихъ отношеніяхъ было не бесполезно. Онъ охотно подписалъ Миланскій эдиктъ, объявилъ его въ своихъ провин-

рассказа Евсевія и это документальное свидѣтельство монетъ—не даютъ они достаточную точку опоры для того предположенія, что и самое знаменіе, явленное Константину на солнцѣ, имѣло эту форму трехъ пересекающихся между собой, составленныхъ изъ свѣта, лучей, лежавшихъ на солнцѣ? Такое предположеніе вполне бы освобождало рассказъ Евсевія отъ всѣхъ недоумѣній, какія онъ вызываетъ въ современной наукѣ. Константинъ и все войско созерцаютъ дивное видѣніе: для нихъ ясно, что оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ ихъ предпріятію и выражаетъ Божественную волю, но въ чемъ его смыслъ? Теперь намъ становится понятнымъ тѣ недоумѣнные вопросы, какіе влагаетъ Евсевій въ уста Константина послѣ перваго видѣнія, а также и вторичное откровеніе во снѣ, въ которомъ Христосъ повелѣваетъ ему то, что онъ долженъ былъ по Евсевію, прочитавъ уже на солнцѣ.

¹⁾ Codex Theodosianus, I, 8, 2.

²⁾ Eus., V. C. IV, 13.

³⁾ Eus., V. C. IV, 18.

ціяхъ и приблизили къ себѣ христіанскихъ епископовъ для служенія новому Богу. Мало того, подобно Константину и онъ имѣлъ случай испытать эту силу христіанскаго Бога на самомъ себѣ. Въ войнѣ съ Максиминѣмъ Дайя, своимъ восточнымъ соправителемъ, вторгшимся съ многочисленными легіонами въ предѣлы его въ то время, какъ онъ находился въ Медиоланѣ, онъ получилъ во снѣ отъ Ангела молитву къ христіанскому Богу, приказавъ прочитать ее предъ началомъ сраженія въ слухъ своего войска и, не смотря на недостаточность своихъ военныхъ силъ, поразилъ Максимина ¹⁾. Точка отправленія у Лицинія, можно сказать, была таже, что и у Константина, но путь, по которому оба они пошли дальше, былъ различенъ. Всю жизнь свою прожившій грубымъ язычникомъ и уже въ престарѣломъ возрастѣ ставшій между прочимъ и поклонникомъ христіанскаго Бога, Лициній могъ усвоить лишь внѣшнюю сторону новой религіи, форму ея, а не содержаніе, которое совсѣмъ не коснулось его. Миланскій эдиктъ остался для него мертвой буквой. Между тѣмъ Константинъ хотя и не порывалъ всѣхъ связей съ язычествомъ, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сближался съ христіанствомъ. Своими бесѣдами съ епископами, своимъ участіемъ во внутреннихъ дѣлахъ цер-

---

¹⁾ Лактанцій такъ описываетъ это событіе: „войска стояли другъ противъ друга... Максиминъ далъ обѣтъ Юпитеру и общался, если одержитъ побѣду, истребить навсегда христіанское имя. Но Лициній видѣлъ во снѣ ангела, который повелѣлъ именемъ Божиимъ встать и принести молитву, обѣщавши ему побѣду, если послушается. Ему показалось, что онъ встаетъ и что ангелъ самъ внушаетъ ему слова молитвы. Проснувшись, онъ призываетъ къ себѣ одного изъ секретарей и диктуетъ ему тѣ самыя слова молитвы, которыя онъ только слышалъ... Снято было нѣсколько копій съ этой молитвы и разослано къ трибунамъ и начальникамъ, чтобы они научили своихъ воиновъ... Когда войска сошлись, то воины Лицинія снимаютъ съ себя каски, кладутъ щиты на землю и простираютъ руки къ верху. Императоръ читаетъ молитву, воины громко повторяютъ"... Это удивительное зрѣлище произвело такое ужасающее впечатлѣніе на войска Максимина, въ которыя уже проникъ слухъ о божественной помощи, дарованной Лицинію, что они пришли какъ бы въ оцѣпѣненіе и не могли ни мечей извлечь, ни копій бросать (De mort. persec. XLVI. XLVII).. Аналогія между битвой Константина подъ Римомъ и побѣдой Лицинія надъ Максиминѣмъ близкая: не хватаетъ только лабарума, но и это потому вѣроятно, что Лицинію, неожиданно захваченному вторженіемъ Максимина, некогда было приготовить его.

кви и распоряженіями, упрочивавшими равноправность церкви съ національнымъ культомъ онъ привлекъ къ себѣ искреннюю преданность всѣхъ христіанъ и для Лицинія не было тайной, что въ христіанскихъ храмахъ, особенно многочисленныхъ въ его провинціяхъ, рѣдкій день не возносились горячія молитвы за благосостояніе его соперника ¹⁾. На престарѣлаго суевѣра эти молитвы производили ужасающее впечатлѣніе; чудодѣйственное значеніе ихъ онъ самъ испыталъ, онъ зналъ также и могущество христіанскаго Бога, и теперь во-очію убѣдился, что онъ лишень всего этого, что всѣ эти таинственныя силы, наполнявшія его душу мистическимъ трепетомъ, находятся въ распоряженіи Константина... Старые боги воскресли въ сознаніи Лицинія: вѣдь не имѣли обязанъ онъ всѣмъ успѣхомъ своей жизни? не они-ли руководили имъ съ малаго возраста и не подъ ихъ-ли покровительствомъ онъ достигъ исключительно высокаго, возможнаго для человѣка, положенія въ государствѣ? да развѣ и сами христіане не признаютъ за ними сверхъестественной мощи, побѣда надъ которой была нелегка? Лициній прогналъ христіанскихъ епископовъ и окружилъ себя прорицателями, египетскими гадателями, жрецами и пророками. Опять началось выпрашиваніе оракуловъ, гаданіе по полету птицъ, разрѣзываніе людей и животныхъ и т. п.;—все предсказывало успѣхъ, все говорило о побѣдѣ ²⁾. Воспользовавшись ничтожнымъ поводомъ, Лициній объявилъ войну Константину и весной 323 года съ войскомъ, превосходящимъ силѣ Константина, стоялъ въ Фессалоникахъ.

Предъ началомъ сраженія, въ тѣнистой рощѣ, священной и заповѣдной, скрывавшей въ себѣ статуи наиболѣе чтимыхъ боговъ, Лициній созвалъ избранныхъ своихъ щитоносцевъ и сановныхъ друзей и, послѣ того, какъ зажжены были предъ статуями свѣчи и принесены жертвы, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: „вотъ отечественные боги, которыхъ мы чтимъ, принявъ издавна отъ предковъ наставленіе благоговѣть предъ ними. Напротивъ начальникъ враждебнаго намъ войска, отвергнувъ отеческіе обычаи, принявъ безбожное мнѣніе, прославляетъ какого-то

¹⁾ Eus., V. C. II. 2.

²⁾ Eus., V. C. II. 4.

иностранныаго Бога и постыднымъ его знаменіемъ срамить свое войско. Настоящее дѣло откроетъ намъ, кто заблуждается въ своемъ мнѣніи: если сильнѣйшимъ окажется этотъ, нами осмѣиваемый теперь, Богъ чужестранный, то и намъ нужно будетъ признать его, и чтить и надолго распрощаться съ тѣми, которымъ попусту возжигаемъ свѣчи: когда побѣдятъ—что несомнѣнно—наши боги, то мы послѣ теперешней побѣды устремимся на безбожныхъ“¹⁾.

Такъ языческіе боги и христіанскій снова встрѣтились между собой, чтобы помѣряться своими силами, помѣряться въ послѣдній разъ. Вопросъ поставленъ былъ радикально, и потому побѣда, какую наслѣдуютъ тѣ или другой, будетъ окончательной и безповоротной. Теперь уже недостаточно было однихъ чародѣйствъ и волхованій; они не спасли Максенція. На эту рѣшительную борьбу пусть пойдутъ сами боги, а тогда видно будетъ, устоитъ ли еще противъ нихъ знамя христіанскаго Бога? Приказалъ впереди своего войска нести статуи боговъ, Лициній ринулся въ бой.. Но все было тщетно. Въ трехъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ сраженіяхъ, Константинъ, сопутствуемый лаборумомъ, разбилъ все войско Лицинія, и самъ защитникъ языческихъ боговъ долженъ былъ съ униженіемъ просить его о пощадѣ²⁾.

¹⁾ *ibid.* II, 5.

²⁾ Это былъ моментъ необычайнаго религіознаго напряженія, когда всѣ жители Востока тревожно слѣдили за исходомъ битвы. Легенды создавались на глазахъ у всѣхъ и воспринимались съ полною вѣрою. На Востокъ еще ранѣе сраженія, во многихъ городахъ видѣли, какъ среди *самаго народа* черезъ нихъ проходили различные полки Константиновскихъ латниковъ, какъ бы уже одержавшихъ побѣду (Евс. V. С. II, 9). О лаборумѣ рассказывали чудеса; утверждали, что кто взялъ „спасительную хоругвь“, она дѣлалась для него охраненіемъ жизни, такъ что сколько не пускали въ него стрѣлъ, онъ оставался невредимъ; всѣ удары ихъ принимало на себя копьё. „Тутъ было что-то выше всякаго чуда“,—замѣчаетъ по этому поводу Евсевій (II, 9). Самый исходъ битвы сопровождался исключительными обстоятельствами. Послѣ пораженія при Адрианополѣ Лициній заперся въ Византіи настолько хорошо укрѣпленной, что взять ее приступомъ было нельзя, и борьба противниковъ должна была рѣшиться морскимъ сраженіемъ. Криспъ, старшій сынъ Константина, управлявшій флотомъ, сначала занявъ Босфорскій проливъ, но скоро замѣтивъ, что большіе корабли съ трудомъ двигаются въ небольшомъ проливѣ, помѣстивъ свой флотъ въ ближайшія гавани и здѣсь ждалъ

Глубокое впечатлѣніе произвело на душу Константина это поражение Лицинія! Сами языческіе боги выходили на борьбу и оказались безсильными! Величіе христіанства и ничтожество язычества открылось предъ нимъ со всею очевидностью; послѣднія связи съ язычествомъ рушились и боги, павшіе въ сраженіи съ Лициніемъ, окончательно умерли въ его сердцѣ. Рядъ новыхъ мыслей, чувствованій и намѣреній наполнилъ его сознаніе. Оглядываясь на свое прошлое, вдумываясь въ малѣйшія событія своей жизни, вновь переживая уже испытанныя колебанія и сомнѣнія, онъ теперь только понималъ, какъ христіанскій Богъ неизмѣнно помогалъ ему во всѣхъ, встрѣчавшихся ему затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ пуста была надежда на языческихъ боговъ и какъ мало значили его собственныя человѣческія силы! Во всемъ своемъ прошломъ онъ увидѣлъ дѣйствіе высшей Воли, Божественнаго Провидѣнія, неуклонно руководившаго имъ во всѣхъ невзгодахъ и несчастіяхъ жизни, поставившаго его властелиномъ всей вселенной и избравшаго орудіемъ своихъ высочайшихъ цѣлей. Ясно и полно созналъ теперь Константинъ свое назначеніе—всеми силами служить христіанскому Богу, распространять Его царство и утверждать Его господство въ обществѣ и государствѣ. „Начавъ отъ того Британскаго моря,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій,—и отъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ, по нѣкоторой необходимости, опредѣлено заходить солнцу, я при помощи какой-то высочайшей силы гналъ предъ собою и разсѣвалъ всѣ встрѣчавшіеся ужасы, чтобы воспитываемый подъ моимъ влія-

---

нападенія. Въ день рѣшительной битвы вѣтеръ, дувшій съ сѣвера, сначала благоприятствовалъ Лицинію, но около полудня неожиданно измѣнился въ юго-восточный; началась буря и штормъ. Весь флотъ Лицинія моментально былъ брошенъ на утесы азіатскаго берега, 130 судовъ было разбито, 5000 матросовъ пошло ко дну: дѣло Лицинія окончательно было проиграно (Seeck, Gesch. d. Unt., I, 179). Легко понять, какое огромное впечатлѣніе должно было произвести это событіе на весь Востокъ, съ затаенной тревогой ожидавшій исхода борьбы. Христіанскій Богъ на глазахъ всего міра вступилъ за своего избранника и въ бурѣ и штормѣ далъ ему очевидную помощь! Не для Константина только, но для многихъ людей того времени, стоявшихъ на перепутьи между язычествомъ и христіанствомъ, это несомнѣнное проявленіе заступничества христіанскаго Бога за своего служителя явилось послѣднимъ толчкомъ, послѣ котораго они стали искренними христіанами.

ніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону и подѣ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру“¹⁾).

Вся дальнѣйшая жизнь Константина была лишь осуществленіемъ этой начертанной имъ себѣ программы. Онъ открыто признаетъ себя христіаниномъ и гордится этимъ²⁾, онъ не находитъ словъ, что бы восхвалить христіанское богослуженіе и осыпаетъ милостями церковь. Всегда присущая душѣ его религіозность въ христіанствѣ получаетъ для себя новую пищу: онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается христіанскому Богу, и даже въ оффиціальнѣхъ документахъ не обходится безъ того, чтобы въ лирическомъ восторгѣ не излить свое исповѣданіе. „Теперь молю Тебя, всеблагій Боже,—пишетъ онъ напр. въ одномъ изъ посланій къ областнымъ правителямъ имперіи, — подѣ Твоимъ руководствомъ и началъ я, и окончилъ дѣло; преднося вездѣ Твое знамя, я велѣ побѣдоносное войско и, куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, слѣдовалъ за тѣмъ же знаменіемъ Твоей силы и шелъ на враговъ. Потому-то и предалъ я Тебѣ хорошо испытанную въ любви и страхѣ душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговѣю предѣ силой, которую явилъ Ты многими опытами и укрѣпилъ мою вѣру“³⁾.—Столь же ясно обрисовывается и его отношеніе къ язычеству: язычество—это „гибельное заблужденіе“, „владычество мрака“⁴⁾. Въ письмахъ, посланіяхъ, указахъ и бесѣдахъ онъ полемизируетъ съ язычествомъ научными приемами, логически доказываетъ несостоятельность политеизма и преимущества единобожія: онъ хочетъ пропагандировать вѣру мѣрами убѣжденія, а не насилія⁵⁾. Онъ изучаетъ св. писаніе⁶⁾, обсуждаетъ съ епископами догматическіе вопросы⁷⁾, пишетъ цѣлые трактаты на богословскія темы⁸⁾.

1) Euseb., V. C., II, 28.

2) „Онъ чествовалъ Христа со всею рѣшимостью и предѣ всеми“,—говоритъ Евсевій (V. C. III, 2).

3) Eus., V. C. II, 55.

4) *ibid.* II, 56—60.

5) *ibid.* II, 24—28; 42; 47—60; IV, 9—13.

6) *ibid.* IV, 17.

7) *ibid.* II, 63—75; III, 4—9 и др.

8) *ibid.* IV, 28.

Въ отношеніи къ христіанству онъ дѣлаетъ все, чтобы упрочить его положеніе въ обществѣ и государствѣ и обезпечить его окончательное торжество, насколько это было возможно при преобладающей многочисленности язычниковъ въ то время. Онъ самъ строитъ храмы христіанскому Богу и Его святымъ ¹⁾, особыми указами предписываетъ правителямъ областей ²⁾ и убѣждаетъ епископовъ умножать церкви и украшать ихъ должнымъ благолѣпіемъ ³⁾. На высшія гражданскія и военныя должности имперіи онъ ставитъ по преимуществу христіанъ и, чтобы не соблазнять ихъ совѣсть, отмѣняетъ языческіе обряды, соединенные съ прохожденіемъ ихъ ⁴⁾. Въ своей домашней и личной жизни онъ стремится осуществить христіанскія начала и своимъ сыновьямъ—наслѣдникамъ имперіи—даетъ христіанское воспитаніе, правильно усматривая въ этомъ самое вѣрное ручательство за дальнѣйшее продолженіе его политики ⁵⁾. Всѣ эти новыя идеи и стремленія, охватившія Константина, свое документальное подтвержденіе получаютъ въ монетахъ этого времени. Языческіе символы на нихъ совсѣмъ исчезаютъ, монограмма получаетъ ясно выраженный христіанскій характеръ и самыя надписи становятся исповѣданіемъ новыхъ надеждъ императора. „Слава войска“, „благополучіе и надежда республики“, „побѣда и миръ августовъ“, „радость римлянъ“—вотъ знаменательныя слова, сопровождающія монограмму на лабарумѣ или на монетахъ взамѣнъ прежнихъ: солнцу непобѣдимому спутнику или Марсу охранителю. Самъ Константинъ изображаетъ себя на монетахъ, уже не съ лучами, окружающими голову на подобіе солнца, а въ видѣ молящагося, съ руками, распростертыми вверхъ, и взоромъ, устремленнымъ на небо ⁶⁾. Но какъ ни страстно онъ желалъ теперь окончательнаго торжества христіанства, какъ ни глубоко было его презрѣніе къ язычеству, онъ ни одну минуту своей жизни не думалъ о какихъ-либо насильственныхъ мѣрахъ противъ него. Сцены гоненія на христіанъ, запеча-

¹⁾ *ibid.* III, 29—48. 50. 51.

²⁾ *ibid.* II, 45. 48.

³⁾ *ibid.* II, 46; III, 25 и др.

⁴⁾ *ibid.* II, 44.

⁵⁾ *ibid.* IV, 51. 52.

⁶⁾ Madden. Christian emblems etc. —cp. Eus., V. C. IV, 15.

тлѣвшіяся кровавыми пятнами въ его памяти, когда онъ въ въ своей юности находился еще при дворѣ Діоклитіана, поселили въ немъ отвращеніе ко всякимъ принужденіямъ въ дѣлахъ вѣры. „Хочу,—говоритъ онъ въ одной граматѣ, разосланной всѣмъ правителямъ областей,—хочу для общей пользы міра и всѣхъ людей, чтобы подобно вѣрующимъ пріятности мира и тишины вкушали и заблуждающіеся..., пусть никто не беспокоитъ другаго, пусть каждый дѣлаетъ то, что хочетъ душа“¹⁾. Еще въ 337 г., наканунѣ своей смерти, онъ особымъ указомъ подтвердилъ привиллегіи языческихъ жрецовъ Африки, гдѣ многочисленное христіанское населеніе, повидимому, сдѣлало попытку лишить ихъ обычныхъ привиллегій²⁾. Желая принять крещеніе въ во-

¹⁾ Eus., V. C. II, 56; ср. 60.

²⁾ Вопросъ объ отношеніи Константина къ язычеству въ послѣдніе годы его жизни принадлежитъ къ числу очень спорныхъ. Многіе историки утверждаютъ, что Константину не удалось до конца своихъ дней провести въ области религіозной ту политику паритета, къ которой онъ самъ лично стремился, и что, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, онъ измѣнилъ своимъ собственнымъ планамъ и сталъ преслѣдовать язычество. Три факта приводятъ обыкновенно въ доказательство этого тезиса.

1) Константинъ издалъ законъ, которымъ возбранялись „отвратительные (*τὰ μυσάρια*) обряды идольскаго служенія (Euseb. V. C., II, 45)“. Но уже самая формулировка этого закона показываетъ, что его примѣненіе ограничивалось очень узкой сферой. Евсевій точно перечисляетъ тѣ мѣста и формы языческаго богослуженія, какія были уничтожены на основаніи этого распоряженія Константина; это—храмъ Венеры на Ливанѣ, въ Афакѣ (V. C. III, 55), гдѣ практиковалась священная проституція и гдѣ развратъ, возведенный въ священно-служеніе, производился въ такихъ открытыхъ и грубыхъ формахъ, что вызывалъ протестъ у самихъ язычниковъ; храмъ Эскулапа въ Египтѣ въ Сициліи (V. C. III, 51), наполненный всевозможными шарлатанами, обогащавшимся на счетъ суевѣрій простого народа; капище Венеры въ Иліополисѣ, отличавшееся тѣмъ же характеромъ, что и храмъ Венеры на Ливанѣ (V. C. III, 58); особый культъ служенія рѣкѣ Нилу въ Египтѣ (V. C. IV, 25), жрецы котораго состояли изъ мужеложцевъ. Отмѣнить эти культы, позорящіе самое язычество, Константинъ имѣлъ право, какъ pontifex maximus, обязанный блюсти нравы подчиненныхъ ему религій,—и тѣмъ болѣе, что, запрещая ихъ, онъ шелъ на встрѣчу желаніямъ всѣхъ просвѣщенныхъ язычниковъ его времени. Коснувшійся только четырехъ мѣстностей имперіи, этотъ законъ, конечно, ни мало не измѣнялъ общаго положенія національной религіи.

2) Въ 330 году Константинъ отстроилъ свою новую столицу на Босфорѣ и, чтобы придать ей блескъ, превосходящій всѣ другіе города, приказалъ взять изъ языческихъ храмовъ и перевести въ Константинополь.

дахъ Іордана, онъ долго откладывалъ его, пока тяжкая болѣзнь не заставила его поспѣшить выполнѣніемъ этого не-

выдающіяся произведенія древняго искусства. Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ наиболее лучшія статуи Греціи и Малой Азіи, сдѣланныя иногда изъ золота и серебра и представлявшія собой чудо классической пластики, а также мраморныя и мѣдныя изваянія, отличавшіяся красотой формъ, были увезены въ новую столицу и здѣсь поставлены на площадяхъ и форумахъ въ качествѣ простаго украшенія (Eus., V. С. III, 54). Безъ сомнѣнія, Константинъ, издавая это распоряженіе, дѣйствовалъ, какъ христіанинъ, у котораго съ изображеніемъ языческаго бога не связывалось никакого религіознаго чувства, и наносилъ горькую обиду почитателямъ отечественныхъ боговъ и въ особенности тѣмъ городамъ, для которыхъ эти художественныя и драгоцѣнныя произведенія составляли ихъ единственную славу. Но, рассматриваемое само по себѣ, похищеніе художественныхъ сокровищъ изъ языческихъ храмовъ въ дѣлахъ украшенія новой столицы, не было какимъ-либо новымъ, необычнымъ явленіемъ для современнаго Константину язычества. Альяръ въ своемъ сочиненіи: *L'art païen sous les Empereurs chrétiens* (Paris, 1879, 174—177) приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ ограбленія восточныхъ храмовъ, произведеннаго предшественниками Константина, римскими императорами—язычниками, чтобы украсить Римъ или свои виллы около Рима, очевидно, совсѣмъ и не думавшими о томъ, что они сколько-нибудь подрываютъ этимъ законное положеніе официальнаго культа. Опустошеніе языческихъ храмовъ произведено было Константиномъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но какъ вызванное и оправдываемое исключительными обстоятельствами, оно ни чуть не нарушало общихъ правъ и привилегій государственной религіи, которыя продолжали принадлежать ей въ прежнемъ объемѣ.

3) Евсевій въ своей „Жизни Константина“ нѣсколько разъ упоминаетъ о законахъ его запрещающихъ „приносить жертвы идоламъ, вопрошать гадателей, воздвигать статуи, совершать таинственныя жертвоприношенія (V. С., IV, 25 ср. II, 45)“, но по своей неопредѣленности эти извѣстія Кесарійскаго епископа не заслуживало бы никакого вниманія со стороны науки, если бы они не подтверждались официальнымъ документомъ. Въ 341-мъ году императоръ Констанцій издалъ законъ, въ которомъ, ссылаясь на примѣръ своего отца, требуетъ прекращенія суевѣрій (т. е. язычества) и уничтоженія жертвеннаго безумія (Cod. Theod. XVI, 10, 2: *cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania; nam quicumque contra legem divi Principi Parentis nostri—противъ закона божественнаго Государя, родителя нашего,—et hanc nostrae mausuetudinis jussionem ausus fuerit sacrificia colere, competens in eum vindicta et praesens sententia exeratur*).

Но какъ ни ясно говорится здѣсь о законѣ, будто бы изданномъ Константиномъ противъ язычества, его существованіе остается крайне сомнительнымъ. а) Такой законъ прямо противорѣчилъ бы подлиннымъ заявленіямъ самого государя, приведеннымъ выше. б) Онъ рѣшительно опровергается двумя распоряженіями, изданными имъ въ самомъ концѣ

обходимаго таинства, и онъ скончался въ Еленополисѣ,—городѣ, названномъ такъ въ честь его матери,—337 года въ день пятидесятницы ¹⁾. Припоминая на смертномъ одрѣ всѣ событія своей жизни, онъ съ спокойнымъ сознаніемъ могъ

своей жизни: въ 326-мъ году Константинъ опубликовалъ слѣдующій рескриптъ: *provinciarum iudicibus commoneri precipimus, ut nihil de novi operis ordinari ante debere cognoscant, quam ea compleverint, quae a decessoribus inchoata sunt, exceptis dumtaxat templorum aedificationibus* (Cod. Theod. XV, 1, 3). Здѣсь Константинъ начальникамъ провинцій запрещаетъ возводить новыя зданія, пока не будутъ закончены начатыя предшественниками, *исключая вообще храмовыя строенія* т. е. языческіе храмы во всякомъ случаѣ должны быть воздвигаемы, каковы бы ни были другія нужды провинціи. Что такое пониманіе приведеннаго закона правильно (онъ не всѣми толкуется одинаково), это доказывается апологичными распоряженіями напр. Валентиніана Старшаго, который изъ общаго правила, запрещающаго новыя постройки, совершенно въ той же формулировкѣ исключаетъ житницы и конюшни (для общественной почты), какъ зданія, необходимыя для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей. в) Сейчасъ отмѣченное узаконеніе Константина о привиллегіяхъ языческихъ жрецовъ, падающее на 337 годъ, годъ его кончины, также исключаетъ всякую мысль объ изданіи имъ какихъ-либо общихъ запретительныхъ законовъ противъ языческаго культа. Оно характерно по своей формѣ: *sacerdotales et flamines perpetuos, atque etiam duumvirales ab annonarum praepositoribus inferioribusque muneribus immanes esse praecipimus. Quod ut perpetua observacione firmatur, legem hanc incisamaeneis tabulis iussimus publicare* (Cod. Theod. XII, 1, 2). Константинъ хочетъ чтобы этотъ законъ утвердился навѣчно (*perpetua observacione*) и для этого приказываетъ вырѣзать его на мѣдныхъ доскахъ. Трудно допустить, чтобы человекъ, наканунѣ своей смерти такъ тщательно заботившійся о вѣчномъ паритетѣ языческаго культа, когда-нибудь опубликовалъ законъ, уничтожающій этотъ культъ. Это прямо подтверждается какъ полнымъ молчаніемъ современныхъ ему языческихъ писателей, которые не могли бы не отмѣтить такой крупный фактъ, какъ запрещеніе всего языческаго культа, такъ и яснымъ свидѣтельствомъ извѣстнаго ритора Ливанія, что Константинъ опустошилъ языческіе храмы, но языческое богослуженіе и права официальной религіи оставилъ неприкосновенными (См. примѣч. Gottinger's а къ цитированнѣмъ выше распоряженіямъ Константина).

Возможно, что подъ влияніемъ убѣжденій со стороны окружавшихъ его христіанъ, Константинъ, къ концу жизни одряхлѣвшій духомъ и тѣломъ, составилъ проектъ такого закона, но не опубликовалъ его, а Константинъ, вшедшій его потомъ въ государственной скрини, воспользовался имъ, какъ авторитетнымъ прецедентомъ для предпринятаго имъ уничтоженія языческаго культа, тоже, впрочемъ, не осуществившагося на дѣлѣ.

¹⁾ Euseb., V. C. IV, 61. 64.

сказать, что великое дѣло, порученное ему Провидѣніемъ, онъ совершилъ: распадавшееся римское государство онъ соединилъ подъ одной властью, примиривъ его съ христіанствомъ и упрочилъ торжество Церкви въ будущемъ.

Всею своею дѣятельностью онъ глубоко повліялъ не только на исторію язычества и христіанства, но и на исторію всего человѣчества, и потому послѣ своей смерти онъ наслаждался почести рѣдкія въ исторіи: римскій сенатъ возвелъ его въ боги ¹⁾, исторія признала его Великимъ, а Церковь Равноапостольнымъ.

А. Спаскій.

¹⁾ Inter divos meruit referri. Eutropius, Breviar. X, 8.